

Тарелкин до премьеры не умрет!

Как и было обещано читателям «Культура», сегодня мы продолжим обсуждение ситуации, сложившейся вокруг осуществления программы «Новая жизнь традиции» в Александринском театре. На днях в редакцию пришло письмо от дирекции театра, которое мы публикуем ниже. Свою точку зрения на ситуацию высказал и художественный руководитель программы Валерий Фокин.

В № 13 «Культура» опубликовал материал о якобы катастрофической ситуации, возникшей в связи с осуществлением Александринским театром художественно-исследовательской программы «Новая жизнь традиции», замысленной совместно с Центром им. В.С.Мейерхольда.

Удивляет, зачем психоидеологическим участникам программы еше до окончательного выяснения ситуации, что называется, «выносить сор из избы», и не вникнуть в суть проблемы, промолчать «хороший» проект, который был инициирован именно дирекцией Александринского театра, а также обвинять руководство старшего театра России в ленинских и чутль бы не в саботаже. Удивляет, наоборот, легкомыслие так, что раздувает сегодня «пожар» и видит катастрофу там, где ее нет!

Ни для кого не секрет, что именно дирекция театра проявила творческую смелость и волю для того, чтобы пробить брешь в консервативном сознании приверженцев старой Александринки и пригласить творческий динамичный театр, пока на словах с новой режиссурой, с тем же Центром им. В.С.Мейерхольда. Без тек десяти лет творческого развития, творческие прощала Александринка после «торжественного периода», невозможный был бы и столь удачный опыт сотрудничества с таким режиссером, как В.Фокин. Без этого опыта ничего было бы говорить и о приглашении таких режиссеров, как М.Лангхорф и К.Попов. Сам Валерий Фокин подтверждает, как настоятельно дирекция театра сражалась за этот проект.

(Окончание на 11-й стр.)

Тарелкин до премьеры не умрет!

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Случай с Лангхорфом не выходит за рамки сложностей, возникших в процессе подготовки уникального по своим творческим и техническим задачам проекта. Маттиас Лангхорф, выступавший в постановке «Смерти Тарелкина» и как сценарист, и как режиссер, предложил сложнейшее технологическое решение, которое требовало и больших материальных вложений, и немалого напряжения сил мастеров, учитывая крайне сроки работы над спектаклем.

Приняв предложенный режиссером сроки выпуска спектакля, театр поставил перед собой задачу в сверхсжатые сроки подготовить декорации. Подтверждения Министерства культуры о том, что финансирование проекта будет открыто в январе, позволило надеяться, что закупить материалы и начать изготовление оформления можно будет также в начале года. Любому сотруднику министерства, любому театру, любому музею понятно, что никакие гарантийные письма сегодня не будут действовать, когда речь пойдет о закупке материалов, да и проблематично, что министерство может дать какие-либо гарантии. Валерий Фокин и дирекция театра все же не терпели надежды и, заручившись поддержкой министра, который еще в январе отдал распоряжение об открытии финансирования, мы взяли за разработку сложнейшего инженерного сооружения. Театр затребовал с нашей стороны около шестидесяти рублей на подготовку проекта спектакля. Однако без финансирования министерства приступить к изготовлению декораций в полном объеме не мог и все же театр до последнего надеялся на то, что перенос сроков премьеры удастся избежать. Был разработан даже такой технологический проект, при котором декорации можно было успеть сделать в срок, распределив заказ между четырьмя мастерскими. Но денег из министерства все еще не было, и соответствующие инстанции тупили с заключением договора с театром на этот проект. Укрепить Министерство культуры здесь бессмысленно, оно само в отношении финансов во многом, если не полностью, зависит от Минфина. Но факт

остается фактом: вместо оговоренных января договор с министерством на финансирование проекта был подписан только 6 марта, к тому же всем известно, что между датой подписания договора и реальным приходом денег в театр обитает существовавший длительный интервал. Когда стало абсолютно ясно, что выполнить заказ в срок невозможно, театр проинформировал режиссера о сложившейся ситуации и предложил обсудить перенос сроков премьеры. Такая практика, к сожалению, весьма распространена и имеет место даже в крупнейших театрах мира. У меня горючие заинтересованности в осуществлении проекта, Александринский театр провел непрестные и интенсивные переговоры с Маттиасом Лангхорфом. Была назначена встреча в Санкт-Петербурге, которая 5 апреля и состоялась с участием Валерия Фокина, который в рамках программы предполагал поставить «Маленькие трагедии» А.С.Пушкина.

Это произведение впервые было осуществлено именно на Александринской сцене. Сейчас идет сопоставление деталей этого проекта, и мы надеемся, что в конце года премьера состоится.

Шум, поднятый вокруг программы «Новая жизнь традиции» журналистами, вполне понятен: творческий проект такого масштаба поистине уникален. Однако удивление вызывает то, что слова омыслили и поразительность изобрет изнутри творческого коллектива программы. Это можно объяснить лишь эмоциями или недостаточным пониманием специфики производственного деятельности театра.

Дирекция Александринского театра

— Слава Богу, с Лангхорфом нам удалось договориться о первом сроке премьеры спектакля «Смерть Тарелкина» на осень 2004 года. Хотя переговоры были очень непростыми. Этой встрече предшествовала довольно длительная переписка режиссера с Александринским театром, постоянные телефонные переговоры с Поповым, да и в том время работал. Обстановка была достаточно

нормальной. Лангхорф говорил и писал о том, что рассматривает этот precedent как нарушение своего контракта.

— Какие аргументы, приведенные руководителями программы, заставили Лангхорфа изменить свое намерение разорвать контракт и вернуться к работе над спектаклем?

— Мы его уговорили только по творческим соображениям. Мы очень хотим, чтобы в репертуаре Александринского театра в рамках программы появились его спектакли. Лангхорф же действительно — один из немногих европейских режиссеров, который любит и знает русскую классическую драматургию, знает Мейерхольда. Ему ведь тоже хочется поставить «Смерть Тарелкина», несмотря на все свои возмущения. Тем более что он уже придумал, как это сделать.

— Неудобства тем не менее ему будет доставлять этот контракт?

— Безусловно. Предусмотренная контрактном. Об этом мы тоже договорились.

— Все это можно было бы рассматривать как частный случай. Но известно, что переговоры пришлось вести не только с Лангхорфом, но и с Григорием Козловым, чтобы заполнить «программную» брешь 2003 года?

— Естественно. К счастью, удалось и с ним договориться о том, что осенью этого года он представит в рамках программы спектакль «Маленькие трагедии». Но и Козлову пришлось менять свои планы, связанные с руководимым им петербургским ТЮЗом, со студенческими работами в театральной академии. Театры и «Чайка» Кристиана Лопы перенесли на 2005 год, хорошо, что есть время есть. А ведь могло бы получиться так, что мы в текущем году оказались бы без спектакля. Тогда, считайте, программа закончилась бы.

— Срыв контракта с Лангхорфом — это чистое российское театральное явление, или здесь присутствуют другие, не творческие мотивы?

— То, что нет никакого саботажа или злого умысла, это стопроцентно. Я думаю, это какое-то стечение обстоятельств. Действительно, Министерство культуры с финансированием оспаривало, и масса усилий была предпринята, чтобы его открыть. Но мне казалось, что Евгений Саушкин — очень опытный директор, уважаемый в городе человек. Наверное, можно было бы что-то предпринять — взять средства в кредит, в долг, чтобы бы обогнали сроки. Да, сложилась очень тяжелая финансовая ситуация, но не безвыходная. У нас в России финансирование довольно часто задерживается, это едва ли не норма. Но выход, на мой взгляд, мог быть найден.

— Какова реакция на этот инцидент Михаила Швыдкого?

— Мы встревожены. Министр был очень опечален, встревожен, что едва не сорвался акция.

— Несмотря на то что именно Министерство культуры вовремя

не открыло финансирования?

— Я думаю, это случилось не совсем по их вине, потому что и тогда деньги совершенно не пришли. Моя точка зрения такая — мы знаем, где мы живем и в какую ситуацию можем попасть. Еще ведь надо учитывать наше мышление. Если бы речь шла о русском режиссере, мы бы добные обстоятельства и за фарамакор бы сошли. Случись такое стечением в России, я бы, конечно, сказал: ну что ж делать, надо перекарывать свои планы, искать выход из положения, потому что я знаю, где живу. А работая на Западе, безусловно, поступил бы, как Лангхорф: потребовал неустойку, потому что время и деньги. Мы недооцениваем то, что наши психоидеологические привычки не корреспондируются с честностью и юридической точностью западной жизни. Мы к этому не привыкли, к сожалению. Иногда думаем, что контракт — это бумажка, которую можно разорвать в любой момент не понимая, что это — обоюдная ответственность. Вот в чем проблема. Поэтому, конечно, из сложившейся ситуации надо извлечь уроки и не допустить ее повторения.

— Дальнейшее осуществление программы пройдет под более жестким контролем?

— Не то слово. Но это будет не столько организационный контроль, сколько совместный с Александринским театром контроль за финансово-экономическими вопросами. В связи с тем же спектаклем Лангхорфа мы должны заранее организовать финансирование и проследить, чтобы все декорационные работы были закончены летом 2004 года.

— Мой предыдущий собеседник Валерий Семеновский сказал о том, что мы сами прокомментировав ситуацию, ошаманев назначением на пост худрука Александринского театра.

— Это был проект, который витал в кабинетах Министерства культуры. Я об этом узнал тоже из министерства, в том числе и о письме Александра Александринского театра и его директора Сащенко с просьбой назначить меня худруком Александринки. После этого у меня состоялся беседа с Михаилом Швыдким, который предложил мне упомянутый пост. Я ответил, что не могу так однозначно решить этот вопрос, поскольку мой дом — это Центр Мейерхольда, уходить оттуда я не собираюсь. Если же эту проблему обходить, то при условии, что одновременно со мной в театр придет и главный режиссер, вместе с которым я мог бы осуществлять прежде всего репутарное руководство театром. Тем более что программа рассчитана до 2008 года, и основанная часть репертуара должна быть, по замыслу, связана с ней. Такой вариант возможен. Но он пока остается на уровне обсуждения. Честно скажу, меня этот сюжет так остро не волнует. Меня больше волнует программа.

— Но ведь при этих условиях ее осуществление было бы проще?

— Ну, наверное, проще. С другой стороны, я скажу, что руководить таким большим театром — это очень тяжелое дело. Не уверен, что мне этого хочется. Вот именно программу хочется сделать, включить в репертуар Александринского театра спектакли Лангхорфа, Попов, Козлова. Дилитантством, может быть, еще кого-то из молодых петербургских режиссеров. За это я отвечаю.

Беседу вел
Ирина АЛПАТОВА

Итак, 6 апреля в Санкт-Петербурге состоялась встреча художественного руководителя совместной программы Центра имени Мейерхольда и Александринского театра «Новая жизнь традиции» Валерия Фокина и директора Александринского театра Георгия Сащенко с режиссером Маттиасом Лангхорфом.

О том, как проходили переговоры с Лангхорфом, о причинах возникшего прецедента и дальнейшей судьбе программы рассказывает Валерий ФОКИН: